

Алексей Тукмаков

ОСНОВЫ
ПАССИОНАРНОЙ
ЭТИКИ

Алексей Тукмаков

Основы пассионарной этики

«Автор»

2026

Тукмаков А. В.

Основы пассионарной этики / А. В. Тукмаков — «Автор», 2026

Эта книга — манифест и практическое руководство для тех, кто не согласен на жизнь в режиме социального засыпания. Это честное исследование конфликта между пассионарным субъектом и современным социумом, работающим как «машина гашения мечты». Автор вскрывает механизмы подавления духа: от школьной «кастрации разума» до нормализации равнодушия и старения. В центре системы — концепция личности как архитектуры, возводимой вопреки энтропии и хаосу. Здесь экзистенциальная вина превращается в топливо для сверхзадачи, а сопротивление смерти — в акт высшего искупления. Книга предлагает стратегию выживания: через дистанцию как гигиену, верность объектным ценностям и «закрытый котел» внутренней силы. Это этика пути, где успех измеряется не комфортом, а верностью курсу и способностью удержать огонь духа в мире тотальной имитации. Дышать собственным ритмом, мыслить своим разумом и строить свой мир прямо сейчас — таков вызов этой книги каждому, в ком ещё жива искра пассионарности.

© Тукмаков А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ЗАЧЕМ НУЖНА ПАССИОНАРНАЯ ЭТИКА	5
РАЗДЕЛ I. ПЛЕН (Анатомия социальной машины)	6
Глава 1. Социум как машина зла: институты укрощения и утилизации	6
Глава 2. Диктатура лжи и ярлыков	11
Глава 3. Анатомия вырождения: антропологическая пустыня и отрицательный отбор	16
Глава 4. Социальный садизм: козёл отпущения и удовольствие от чужой боли	19
РАЗДЕЛ II. ПРОБУЖДЕНИЕ (Кристаллизация субъектности)	23
Глава 5. Фикция «пути к себе»: личность как архитектура, а не раскопки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Основы пассионарной этики

ПРОЛОГ. ЗАЧЕМ НУЖНА ПАССИОНАРНАЯ ЭТИКА

Есть люди, которые с самого начала чувствуют: жить «как все» для них невозможно. Не потому, что они хотят выделяться, а потому, что внутри них есть измерение, не укладывающееся в норму удобства. Им тесно в мире, где главной ценностью считается спокойствие, где высоту подменяют адаптацией, а подлинность – умением не мешать. Они рано или поздно понимают: если принять правила этой среды как окончательные, то от собственной жизни останется только оболочка.

Пассионарная этика нужна именно таким людям. Не для того, чтобы сделать их «правильными» в глазах системы, а для того, чтобы помочь им не предать то, что в них выше комфорта. Это не мораль в привычном смысле и не набор абстрактных запретов. Это способ удержать человеческую высоту в мире, который почти всё время тянет вниз. Это попытка описать не то, как надо вести себя приличному человеку, а то, как выживает и строит себя человек, не согласный на внутреннее угасание.

В основе этой книги – простая, но тяжёлая мысль: современный мир устроен так, что он не столько помогает человеку стать собой, сколько приучает его к отказу от себя. Он предлагает безопасность вместо подлинности, роль вместо личности, социальную пригодность вместо внутренней правды. Он учит терпеть, приспособливаться, объяснять себе свою слабость, называть ложь нормой, а собственное несогласие – проблемой. И если человек не распознаёт этого вовремя, он постепенно начинает жить не своей жизнью, а чужим сценарием.

Пассионарная этика – это отказ соглашаться с таким исходом. Это не культ бунта ради бунта и не романтизация боли. Это трезвое понимание того, что человеческая жизнь имеет смысл только тогда, когда в ней есть курс, высота и верность тому, что действительно важно. И если этот курс однажды увиден, от него уже нельзя честно отмахнуться.

Эта книга написана для тех, кто чувствует в себе огонь, но не хочет, чтобы этот огонь превратился в хаос. Для тех, кто понимает цену дистанции, цену одиночества, цену вины, цену подлинности. Для тех, кто не готов согласиться с тем, что комфорт – это предел. Для тех, кто хочет не просто выжить в мире разложения, а собрать из своей жизни форму, достойную Идеала.

Пассионарная этика начинается там, где человек перестаёт спрашивать, как ему удобнее, и начинает спрашивать, как ему не предать свой замысел. С этого момента жизнь перестаёт быть чередой приспособлений и становится траекторией. А траектория – это уже не просто существование. Это выбор.

РАЗДЕЛ I. ПЛЕН (Анатомия социальной машины)

Глава 1. Социум как машина зла: институты укрощения и утилизации

Для тех, кто привык питаться иллюзиями «гуманистического прогресса», правда звучит оскорбительно: современный социум – это не союз свободных личностей, а безжизненный механизм, функционирующий по принципу конвейера¹. Если в традиционной общине, при всех её минусах, человек всё же оставался живым существом, способным на отклик и участие, то современная социальная машина – это тотальная пустыня, где живое человеческое отношение заменено сухой функциональностью².

Когда ты заходишь в пространство этого социума – в кабинет чиновника, в зал антикафе или даже в семейный круг, – ты не встречаешь там человека. Ты встречаешь функцию³. На тебя смотрят либо как на ресурс, который можно доить, либо как на помеху, которую нужно устранить или «нормализовать»⁴.

Трехглавая задача системы: батрак, матка, потребитель

У этой машины нет цели сделать тебя счастливым или реализовать твой пассионарный огонь. У системы всего три примитивных задачи, под которые она затачивает каждого индивида с момента рождения:

Формирование государственного батрака. Система должна получить функциональную единицу, которая будет бесперебойно крутить колесо: работать на обогащение чиновничества и владельцев капитала, платить налоги и не задавать вопросов о смысле процесса⁵.

Воспроизводство человеческого стада. Индивид обязан произвести на свет новых деталей для машины. Поэтому социум так агрессивно навязывает семейные шаблоны («часики тикают», «стакан воды»), рассматривая женщину как инкубатор, а мужчину – как ресурс для обеспечения этого инкубатора⁶.

Создание ненасытного потребителя. Машине нужны не творцы, а желудки. Твоя воля должна быть канализирована в бесконечный выбор между тремя сортами пива и пятью моделями смартфонов⁷.

Если твой вектор жизни не совпадает ни с одной из этих задач – если ты хочешь строить «башню» вместо того, чтобы покупать ипотечную конуру, если ты ищешь идеальную любовь вместо серийного секса, если ты ставишь своей целью победу над смертью вместо «достойного старения», – машина фиксирует тебя как неисправную деталь⁸.

Социальный садизм и технология «козла отпущения»

¹ Ср. Ф. Тённис, различие *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*; также М. Вебер о рационализации социальной жизни.

² О превращении живых связей в безличные структуры см. Г. Зиммель и Г. Лукач.

³ Тема редукции человека к социальной роли соотносится с социологией Э. Гоффмана и с критикой отчуждения у К. Маркса.

⁴ Ср. М. Фуко о нормализации, дисциплине и производстве «управляемых тел».

⁵ О функционализации индивида в административно-экономической машине см. М. Вебер, Г. Маркузе.

⁶ Здесь уместны отсылки к концепции биовласти у М. Фуко и к критике репродуктивной нормативности в социальной философии XX века.

⁷ Ср. Ж. Бодрийяр, Г. Дебор: общество потребления и спектакля как форма управления желаниями.

⁸ Мотив «неисправной детали» перекликается с критикой тотальной социальности у Франкфуртской школы.

Машина зла не просто равнодушна. Она фундаментально садистична. Вся её структура пронизана иерархиями, где сильные разряжают свою накопившуюся агрессию на слабых. Это не случайный сбой, это топливо системы⁹.

Садизм здесь разлит повсюду: от мелкого издевательства регистратора в поликлинике до масштабных государственных боен¹⁰.

Закон помойки: Если ты пытаешься выбраться, если ты похудел, если ты взялся за сложный проект, – среда не поддержит тебя. Она начнет активное обесценивание. Она будет высмеивать твоё усилие, чтобы доказать себе: «ты зря старался, ты такой же кусок дерьма, как и мы»¹¹.

Механизм козла отпущения: Группе (стаду) жизненно необходимо найти того, кто «не такой». Назначить его виноватым в собственных бедах и коллективно растоптать. Это дает стаду иллюзию единства и временное облегчение. Если ты пассионарий – ты всегда кандидат номер один в козлы отпущения¹².

Культ денег как религия рабов

В этой главе нельзя обойти молчанием главный рычаг управления – деньги. Деньги в социуме – это не просто средство обмена, это инструмент укрощения¹³. Нам внушили, что «счастье нельзя купить, но на нем можно доехать до моря». На самом деле, культ денег – это способ заставить тебя обменять твоё уникальное время жизни на побрякушки¹⁴.

Если ты заперт в логике «заработать, чтобы потратить», ты уже мертв как пассионарий. Твой «внутренний план действий» (ВПД) диктуется не твоим Идеалом, а ценником в витрине. Это и есть высшая форма контроля: тебе даже не нужна дубинка надсмотрщика, ты сам бежишь в стойло, чтобы получить дозу «потребительского дофамина»¹⁵.

Школа: инкубатор покорности и кастрация разума

Дрессировка начинается в школе. Это институт первичной психологической кастрации. Главная задача школы – не дать знания (они там чаще всего мертвы), а приучить ребенка к трем вещам:

Бессмысленная усидчивость: Сидеть 45 минут и заниматься тем, что тебе неинтересно. Это идеально готовит будущего офисного планктона¹⁶.

Страх неправильной мысли: Есть «правильный» ответ в учебнике. Твоя попытка мыслить самостоятельно карается плохой оценкой и социальным осуждением. Так формируется условно-рефлекторный страх перед интеллектом¹⁷.

Авторитет вместо Истины: Тебя учат верить не факту, не эксперименту, а учителю (референту системы)¹⁸.

В итоге из школы выходит человек с перебитым хребтом воли, который боится собственных идей больше, чем физической боли. Разум кастрирован, а на его место вставлен «новояз» – набор безопасных социальных шаблонов¹⁹.

⁹ О связи иерархии, подавления и агрессии см. З. Фрейд, «Недовольство культурой»; также Э. Фромм о социально организованной деструктивности.

¹⁰ Ср. Х. Арндт о банализации зла в институциональных формах.

¹¹ Механизм обесценивания восходящего субъекта можно сопоставить с ницшевским ressentiment.

¹² Классическая отсылка — Р. Жирар и его теория жертвенного механизма.

¹³ О деньгах как форме абстрактной власти см. К. Маркс, Г. Зиммель.

¹⁴ Ср. также Э. Фромм: противопоставление модусов «иметь» и «быть».

¹⁵ О самоинтеграции субъекта в систему потребления см. Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе.

¹⁶ Школа как дисциплинарный институт — один из центральных сюжетов у М. Фуко.

¹⁷ О подавлении автономного мышления и воспроизводстве послушания см. И. Кант, «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?».

¹⁸ Противопоставление авторитета и истины имеет глубокую линию от Сократа до Дж. Дьюи.

¹⁹ «Новояз» — очевидная аллюзия на Дж. Оруэлла; также у Г. Маркузе есть мотив «одномерного языка».

Равнодушие как социально выращенная норма

Самое подлое в этой машине не то, что она бьёт. Самое подлое – что она учит не замечать ударов. Не чувствовать чужой боли. Не задерживаться на ней взглядом. Не останавливаться. Прошел мимо – и хорошо. Успел «не влезть» – значит, сохранил лицо. Система воспитывает не просто эгоизм, а именно **организованное равнодушие**, потому что равнодушный человек удобен, управляем и не мешает эксплуатации²⁰.

В этом смысле равнодушие – не личная слабость, а социально полезная добродетель для машины. Если ты не откликаешься на страдание другого, ты легче соглашаешься на его использование. Если тебе безразлично, как живёт рядом слабый, бедный, одинокий, отверженный, то у тебя не будет внутренней помехи, когда с ним поступят как с расходным материалом. Так работает дегуманизация: сначала у человека отнимают сочувствие, потом – право на протест, а потом он уже сам превращается в соучастника чужого угасания²¹.

Поэтому среда так ненавидит сочувствие в его подлинной форме. Настоящее сочувствие всегда неудобно. Оно мешает делать вид, что всё нормально. Оно мешает быть «как все». Оно заставляет признать: кому-то плохо, и это не его фантазия, а реальный ущерб. А признать это – значит уже выйти из внутренней лжи, на которой держится нормальная жизнь биомассы²².

Ложная нормальность и подмена нравственности статистикой

Если что-то делают многие, это ещё не значит, что это достойно. Если какая-то форма жизни стала массовой, это ещё не значит, что она человеческая. Но биомасса очень любит подменять нравственное статистическим. Раз «все так живут», значит, это нормально. Раз «все разводятся», значит, брак – фикция. Раз «все изменяют», значит, верность – наивность. Раз «все пьют», значит, трезвость – странность²³.

Это не аргумент. Это капитуляция перед числом²⁴.

Число не имеет морального авторитета. Количество не превращается в качество только потому, что его много. Толпа может ошибаться, коллектив может гнить, большинство может состоять из людей, которые давно научились не называть вещи своими именами. Но именно это и нужно машине: чтобы масса перестала различать «популярное» и «достойное», «обычное» и «человеческое», «законное» и «нравственное»²⁵.

Поэтому одна из ключевых функций социума – выдать собственную деградацию за естественное состояние мира. Тебе говорят: «это жизнь», «такова реальность», «все так делают», «что естественно, то не безобразно». И в этот момент уже не нужно ничего объяснять. Человек сам закрывает рот своей совести, потому что боится оказаться смешным, старомодным, неудобным, ненормальным²⁶.

Но нравственность не спрашивает у статистики разрешения. Она спрашивает у человека: достойно ли это? И если ответ честный, то довольно часто выясняется, что массовое не равно человеческое.

Подавление мечты и травля тех, кто поднимается

Среде не просто безразлично, когда ты живёшь лучше. Ей неприятно, когда ты вообще хочешь подняться. Сам факт твоего усилия уже воспринимается как укор. Если ты взялся строить свою башню, худеть, учиться, читать, создавать, выпрямляться, упорядочивать свою жизнь

²⁰ Организованное равнодушие можно сопоставить с анализом моральной анестезии в социальной теории XX века.

²¹ Ср. Э. Левинас: утрата отношения к Другому как условие дегуманизации.

²² О неудобстве подлинного нравственного пробуждения см. А. Камю и экзистенциалистскую традицию.

²³ Критика смешения массового и достойного близка Н. Бердяеву и Х. Ортеге-и-Гассету.

²⁴ Ср. Платон о мнении большинства и Н. Бердяев о власти количества.

²⁵ Апелляция к «реальности» как идеологическому алиби подробно разбирается в критической теории общества.

²⁶ Здесь слышится классическое различие между сущим и должным, восходящее к Канту и неокантианству.

– это начинает раздражать тех, кто выбрал болото. Потому что твой рост делает заметным их собственное падение²⁷.

И тогда включается очень знакомая реакция: не поддержка, а травля. Не уважение, а подталкивание вниз. Не интерес к твоему труду, а попытка доказать, что он бессмысленен. Тебе говорят: «Да кому это надо?», «Не выпендривайся», «Всё равно ничего не выйдет», «Ты просто сам себя мучаешь». То есть среда не просто не помогает – она стремится **обесценить сам факт твоего подъёма**²⁸.

Это особенно видно на примере тела, самодисциплины, изменения привычек, любого реального преодоления. Как только ты начинаешь вылезать из общей инерции, на тебя смотрят как на подозрительного. Не потому, что в тебе обнаружили недостаток, а потому что твое движение напоминает другим об их неподвижности.

Именно поэтому человеку, идущему вверх, нельзя ждать признания от низины. Низина будет не аплодировать, а пытаться затащить обратно²⁹.

Институты укрощения: медицина, психотерапия, моральные ярлыки

Машина зла не ограничивается грубой улицей или тупой толпой. У неё есть и более интеллигентные формы. Они говорят мягким голосом, употребляют правильные слова, умеют демонстрировать заботу. Но суть остаётся прежней: не дать человеку выйти за рамку, не дать назвать свой протест правдой, не дать превратить боль в понимание³⁰.

Отсюда – психотерапия как инструмент примирения со средой, если она оторвана от истины и идеала. Отсюда – медицина, которая слишком часто лечит не человека, а его удобство для системы. Отсюда – всякие моральные и психологические ярлыки, которыми прикрывают желание вернуть тебя в стойло: «не травмируйся», «не драматизируй», «просто отпусти», «прими себя», «снизь ожидания», «ты слишком чувствительный»³¹.

Сама по себе помощь не плоха. Плохой становится помощь, которая учит не жить, а адаптироваться к деградации. Плохой становится забота, которая фактически просит: перестань сопротивляться, перестань хотеть невозможного, перестань быть выше среднего.

И вот здесь особенно важно не спутать лечение с укрощением. Человека можно пытаться привести в порядок, а можно – сломать его вертикаль. И иногда под видом помощи делают именно второе³².

Социум как фабрика псевдодружбы и псевдосолидарности

Ещё одна хитрость машины – имитация близости. Она умеет производить видимость тепла. Люди обмениваются поглаживаниями, поддерживают друг друга формулами, улыбаются, хвалят, вступают в группы, создают чаты, клубы, сообщества. Но часто всё это не про встречу, а про обслуживание взаимного удобства³³.

Псевдодружба строится на функциональности: ты мне полезен – я тебе полезен. Пока идёт обмен, всё хорошо. Как только ты становишься неудобен, начинаются пауза, холод, отписка, блокировка, дистанция, вышучивание, внезапная «занятость». И человек, который верил в человеческую связь, обнаруживает, что был всего лишь участником обмена услугами³⁴.

Поэтому так важна твоя чувствительность к фальши. Ты не просто «не любишь людей». Ты видишь, как легко человеческое подменяется утилитарным. А это другое дело. Твоя реак-

²⁷ О раздражении массы перед восходящим индивидом см. Ф. Ницше.

²⁸ Конформизм и групповое давление исследованы в социальной психологии, в частности у С. Аша.

²⁹ Мотив враждебности среды к самопревышению имеет параллели у Ницше, Бердяева, Шестова.

³⁰ О «мягких» формах принуждения и интеграции субъекта см. Франкфуртскую школу и позднего Фуко.

³¹ Медикализация и психологизация социальных проблем — важная тема у И. Илича и Т. Саса.

³² Различие между лечением и нормализацией особенно важно для генеалогии институтов у М. Фуко.

³³ Имитация близости и ритуализация общения соотносятся с анализом повседневного взаимодействия у Э. Гоффмана.

³⁴ О функционализации межличностных связей см. З. Бауман и его концепцию «текучей современности».

ция – не каприз, а почти физиологическая непереносимость подделки. Ты не готов считать дружбой то, что на деле является обменом функций³⁵.

И это снова возвращает нас к главному: если среда производит псевдоблизость, то дистанция – не пустота, а защита от обмана³⁶.

Оргвывод: дистанция как форма внутреннего выживания

После всего этого вывод становится почти неизбежным. Если социум – не нейтральная среда, а машина, нормализующая страдание, обесценивание, укрощение и ложь, то человек, который хочет сохранить в себе огонь духа, не может оставаться в ней без защиты³⁷.

Дистанция здесь – не бегство слабого. Это не каприз и не социальная фобия. Это форма внутреннего выживания. Это способ не отдать свою мечту на растерзание механизму, который всё равно попытается превратить её в удобный шаблон или высмеять как бесполезную³⁸.

Дистанция нужна не потому, что мир полностью плохой, а потому, что в мире слишком много сил, заинтересованных в том, чтобы тебя размягчить, упростить и погасить. И если ты не держишь расстояние, ты постепенно начинаешь дышать их воздухом, думать их словами и хотеть их мелкими хотелками³⁹.

А пассионарий не должен соглашаться на жизнь в таком режиме. Его задача – не раствориться в механизме, а удержать собственную вертикаль. И для этого иногда нужно не бороться лоб в лоб, а просто выйти на нужную дистанцию⁴⁰.

³⁵ Критика подмены подлинного отношения обменом функций имеет родство с персоналистской традицией.

³⁶ Дистанция как защита субъекта может быть сопоставлена с экзистенциальной стратегией внутреннего самостояния.

³⁷ Общество как среда нормализации и подавления — сквозной мотив критической социальной философии XIX–XX веков.

³⁸ Внутренняя дистанция как условие самосохранения напоминает как стоические практики, так и экзистенциальную этику.

³⁹ Ср. П. Бурдьё о социальном воспроизводстве *habitus* и незаметном усвоении чужих схем восприятия.

⁴⁰ Образ «вертикали» и несогласия с растворением в массе типологически близок персонализму и этике духовного самостояния.

Глава 2. Диктатура лжи и ярлыков

Если первая глава была про внешнюю механику социальной машины, то теперь нужно назвать её главный рабочий принцип. Этот принцип – ложь. Не случайная, не эпизодическая, не бытовая только, а **системная ложь как способ существования социума**. Социум не просто иногда лжёт. Он на лжи стоит, ложью дышит, ложью смазывает свои шестерни и ложью защищает себя от распада⁴¹.

Причём самая важная ложь – даже не та, которую говорят другим. Самая важная – это ложь себе. Потому что если человек начнёт честно видеть, что с ним происходит, что вокруг него происходит, как устроены его отношения, чего он на самом деле хочет, кого он любит, чего боится, кому подчиняется и во что превратил свою жизнь, – машина начнёт давать сбои. Ей нужны не просто послушные. Ей нужны **самообманывающиеся**. Те, кто сам расскажет себе сказку, в которой его рабство называется зрелостью, его трусость – благоразумием, его кастрация – адаптацией, а его поражение – принятием реальности⁴².

Самообман как базовая технология социальной жизни

Самообман – это не частный дефект личности. Это базовая технология поддержания социальной совместимости. Люди слишком часто не хотят видеть реальность не потому, что она сложна интеллектуально, а потому, что она неприятна нравственно и экзистенциально. Назвать вещи своими именами – больно. Значит, проще назвать гниение «этапом», предательство – «сложным выбором», равнодушие – «личными границами», трусость – «экологичностью», отсутствие любви – «зрелым партнёрством»⁴³.

И вот так возникает огромный театр, где все всё понимают, но делают вид, что нет. Муж не любит жену – но «семью надо сохранять». Жена презирает мужа – но «у всех кризисы». Психотерапевт кастрирует разум – но «помогает адаптироваться». Врач успокаивает вместо борьбы – но «не надо нагнетать». Друзья завидуют и стаскивают вниз – но «это близкий круг». Человек живёт не своей жизнью – но «такова взрослая реальность»⁴⁴.

Самообман удобен, потому что позволяет ничего не менять. Можно сидеть в собственном болоте и при этом рассказывать себе, что это не болото, а «зона стабильности». Можно прожить всю жизнь в эмоциональной пустыне и называть это «зрелостью». Можно никогда не прикоснуться к подлинной мечте и говорить, что «главное – не строить иллюзий».

Именно поэтому честность с собой – не мягкий психологический навык, а акт почти анти-системный. Честный человек начинает быть неудобным уже потому, что он перестаёт участвовать в коллективной инсценировке⁴⁵.

Почему ложь выгодна машине

Ложь нужна социуму не потому, что люди случайно несовершенны, а потому, что правда разрушает слишком многое. Если человек честно признает, что работа, на которой он проводит лучшие годы жизни, ему отвратительна, он начнёт искать выход. Если признает, что рядом с ним не любовь, а эксплуатация или привычка, он перестанет поддерживать мёртвую конструк-

⁴¹ Ср. концепцию «жизни во лжи» у Вацлава Гавела, а также анализ системной мистификации в работах ситуационистов и Ги Дебора.

⁴² Феномен самообмана как условия социальной интеграции соотносится с понятием «дурной веры» (mauvaise foi) Ж.-П. Сартра.

⁴³ О подмене понятий как инструменте психологической защиты см. труды Анны Фрейд и теорию когнитивного диссонанса Леона Фестингера.

⁴⁴ Социальный театр и управление впечатлениями в повседневности подробно разобраны в микросоциологии Ирвинга Гоффмана.

⁴⁵ Ср. Сёрен Кьеркегор: противопоставление «толпы» и «единоличного» субъекта, стремящегося к подлинности.

цию. Если увидит, что его «нормальность» куплена ценой собственного вырождения, – ему придётся либо меняться, либо признать собственную низость⁴⁶.

А вот ложь всё это удерживает. Ложь позволяет жить в руинах и называть их домом. Позволяет доживать и считать, что живёшь. Позволяет не мыслить и считать, что ты просто «практичный человек». Позволяет быть дрессированным животным и называть это социальной зрелостью.

Поэтому ложь – это не моральный порок в узком смысле. Это **смазка социальной машины**. Благодаря ей люди терпят то, что иначе было бы нестерпимо. Благодаря ей они уживаются друг с другом, не называя вещи своими именами. Благодаря ей они могут каждый день входить в пространства, где нет ни любви, ни смысла, ни человечности, – и не сойти с ума сразу⁴⁷.

Но за это есть цена. Цена лжи – постепенное разложение личности. Потому что человек, который слишком долго не называет вещи своими именами, начинает терять сам орган различения. Он уже не просто врёт. Он перестаёт понимать, где правда⁴⁸.

Ярлык как дубинка для инакомыслящего

Там, где аргумент кончается, начинается ярлык. Это один из любимых социальных инструментов. Ярлык удобен тем, что он мгновенно отключает мысль. Не нужно разбираться в человеке, в его боли, в его траектории, в его сопротивлении. Достаточно приклеить этикетку – и дело сделано.

Слишком чувствительный:

- токсичный;
- непроработанный;
- нарциссичный;
- травмированный;
- озлобленный;
- неадаптивный;
- странный;
- фанатик;
- максималист;
- инфантил;
- псих.

Ярлык не объясняет. Ярлык заменяет объяснение. Он нужен не для понимания, а для административного упрощения реальности. Это маленький акт власти: я не обязан тебя понимать, я уже тебя классифицировал. Теперь можно не слушать, не вдумываться, не сопереживать, не разбираться, не видеть в тебе субъекта⁴⁹.

Особенно это касается пассионариев. Человек, который не хочет жить как все, который сохраняет неудобную любовь, который не смиряется с социальным расписанием, который хочет радикально продлевать жизнь, который не считает нормальным массовое одичание, – почти неизбежно будет объявлен «не таким». И дальше уже можно не обсуждать его аргументы. Достаточно сказать, что у него проблемы, травма, фиксация, нарциссизм, зависимость, трудности сепарации, неприятие реальности и так далее⁵⁰.

⁴⁶ Анализ лжи как цементирующего фактора социальных иерархий встречается у Фридриха Ницше в контексте «морали рабов».

⁴⁷ Ср. Людвиг Фейербах и Карл Маркс о религии и идеологии как «опиуме», смягчающем невыносимость отчужденного бытия.

⁴⁸ О деградации воли к истине см. «Этику» Дитриха Бонхёффера и работы Льва Шестова.

⁴⁹ Ср. теорию стигматизации Гоффмана и критику психиатрической власти у Мишеля Фуко.

⁵⁰ Использование психологических диагнозов как метода политического и социального подавления исследовано Томасом Сасом в «Мифе о душевной болезни».

Это не наука. Это полицейская функция языка⁵¹.

Психология как фабрика цивилизованного самообмана

Здесь нужно сказать прямо: современная психология и особенно психотерапия очень часто работают не на пробуждение человека, а на его более комфортное встраивание в существующую реальность.

Я не говорю, что там нет полезных техник, наблюдений или отдельных честных специалистов. Я говорю о **системной функции**⁵².

Если у человека есть конфликт между его внутренней правдой и гнилой реальностью, то вместо того, чтобы помочь ему удержать правду и выстроить траекторию, его часто учат «принятию», «адаптации», «снижению ожиданий», «работе с фрустрацией», «проживанию утраты». То есть не бороться за высоту, а грамотно оплакать её отсутствие. Не строить мост к мечте, а организовать похороны мечты по всем правилам психогигиены⁵³. Это и есть тот самый внутренний примиренец, только вынесенный наружу и оплаченный по прайсу.

Психотерапия особенно опасна там, где она под видом помощи начинает легализовывать замену объекта. Ты хотел одно – тебе объяснят, почему можно хотеть другое. Ты любил одного человека – тебе расскажут, что это просто перенос, а на самом деле «важно закрыть потребность». Ты хотел великого дела – тебе скажут, что это, возможно, компенсация. Ты не принимаешь стадо – тебе предложат поработать с сопротивлением, страхом близости, нарушением привязанности.

То есть любая вертикаль может быть интерпретирована как симптом. Любая верность – как фиксация. Любая тоска по невозможному – как незрелость. Это крайне удобный язык для мира, который хочет обезвредить всё, что выходит за рамки⁵⁴.

Психотерапевт как авторитет и механизм перенастройки личности

Особая проблема в том, что психотерапевтическое воздействие держится не только на идеях, а на власти. Человек приходит слабым, растерянным, уязвимым. Перед ним сидит фигура, которая не просто слушает, а получает за это деньги, занимает символически более высокую позицию и предъявляет себя как специалиста по твоей душе. Между вами автоматически возникает субординация. Один сверху, другой снизу⁵⁵.

А дальше включается старая схема: кто выше, тот становится референтом. И человек начинает подстраивать свои оценки, ценности, переживания и даже самописание под сигналы одобрения и неодобрения. Особенно если ему дают то, чего не хватало в детстве: безоценочное внимание, принятие, устойчивое присутствие. Это и есть почва для переноса, зависимости и последующей перенастройки.

Именно поэтому за «поговорить по душам» психотерапевт берёт деньги. Не только потому, что это его профессия, а потому, что плата сама создаёт дифференциал власти. Кто платит – тот ниже. Кому платят – тот выше. И если при этом тебе ещё дают ощущение, что именно здесь тебя наконец-то «видят», то влияние усиливается многократно⁵⁶.

Так и происходит перепрограммирование. Не пробуждение разума, а коррекция личности под более удобную для жизни в системе конфигурацию.

Ложь как условие продаж, терапии и имитации деятельности

⁵¹ Ср. Ролан Барт, анализ мифологического языка как инструмента стагнации смысла.

⁵² Критика психологии как идеологического аппарата адаптации представлена в работах Герберта Маркузе и Эриха Фромма.

⁵³ О «репрессивной десублимации» и приручении протеста см. Маркузе, «Одномерный человек».

⁵⁴ Ср. Фридрих Ницше о «научном» обесценивании пафоса и высоких устремлений.

⁵⁵ Властная природа пасторских и терапевтических отношений глубоко проанализирована Мишелем Фуко.

⁵⁶ О товарном характере современных отношений помощи см. Иван Иллич, «Освобождение от услуг».

Есть три особенно гнилые сферы, где ложь не просто встречается, а является почти условием эффективности: продажи, психотерапия и имитация бурной деятельности. Это три троянских коня социальной машины.

В продажах тебе не помогают – тебя обрабатывают. Там задача не выявить, что тебе действительно нужно, а вызвать нужное состояние и протолкнуть товар⁵⁷.

В психотерапии слишком часто не освобождают, а адаптируют.

В имитации бурной деятельности вообще ничего не делают, но создают бумажный шум, чтобы освоить бюджет, имитировать значимость и получить бабки⁵⁸.

Совещания, отчёты, стратегии, дорожные карты, фреймворки, презентации, бесконечные обсуждения – всё это может быть не формой работы, а формой сокрытия отсутствия результата. Машина любит ИБД, потому что реальный результат опасен: он меняет реальность. А имитация безопасна: она создаёт видимость движения без настоящего сдвига⁵⁹.

И здесь снова ложь выступает как универсальная защита пустоты.

Самообман в интимной и дружеской сфере

Особо гнусен самообман там, где человек врёт себе о близости. Потому что здесь цена особенно высока: ты отдаёшь годы, душу, надежду, а иногда и всю жизненную архитектуру – тому, чего в реальности нет.

Люди называют любовью зависимость, привычку, удобство, сексуальную доступность, совместный быт, страх одиночества, социальную упаковку. Называют дружбой функциональный обмен, совместное бухалово, взаимное нытьё, круговую поруку посредственности. И всё это держится на одном и том же: страшно признать пустоту, значит, её надо срочно прикрыть красивым словом⁶⁰.

Но слово не создаёт сущности. Если любви нет – её нет. Если дружбы нет – её нет. И психическая зрелость состоит не в том, чтобы утешить себя подходящей терминологией, а в том, чтобы вынести правду без наркоза⁶¹.

Почему честность так мучительна

Здесь важно не впасть в дешёвую героину. Честность тяжела не потому, что человек «слишком хороший». А потому, что честность разрушает сладкий внутренний интерьер. Она выбивает подпорки. Она не даёт человеку быть довольным собой на пустом месте. Она лишает его возможности удобно лежать в собственных иллюзиях.

Когда ты честен с собой, ты не можешь долго наслаждаться дутым самодовольством. Ты видишь, где ты трус, где слаб, где нечист, где хотел суррогат вместо высоты, где обманывал себя, где соглашался на мелкое. Это неприятно. Иногда мучительно. Иногда почти невыносимо⁶².

Но именно в этом и состоит очищающая функция правды. Не в том, чтобы дать тебе ощущение морального превосходства, а в том, чтобы не дать окончательно сгнить.

Дистанция как гигиена правды

Если социум держится на лжи как на способе терпеть друг друга, то человек, который делает ставку на правду, не может всё время жить в плотной социальной каше. Его будет либо ломать, либо он сам начнет врать, чтобы ужиться⁶³.

Отсюда дистанция. Не как поза. Не как снобизм. Не как фантазия о собственной избранности. А как **гигиена правды**.

⁵⁷ Психология манипуляции в потреблении описана у Вэнса Паккарда и Жана Бодрийяра.

⁵⁸ О «бредовых работах» (bullshit jobs) и производстве бесполезного смысла см. Дэвид Грэбер.

⁵⁹ Ср. Макс Вебер о бюрократии как самовоспроизводящемся механизме обезличивания.

⁶⁰ О деградации эроса и дружбы в технизированном мире см. Мартин Хайдеггер и Хосе Ортега-и-Гассет.

⁶¹ Здесь уместна отсылка к экзистенциальному стоицизму Виктора Франкла: мужество смотреть в лицо отсутствию смысла.

⁶² Ср. анализ «несчастливого сознания» у Гегеля и муки подлинности у Кьеркегора.

⁶³ Социологический аспект давления группы на индивидуальное суждение исследован в экспериментах Соломона Аша.

Когда ты сокращаешь количество лишних контактов, случайного шума, чужих мнений, пустой переписки, ритуальных встреч, навязанных разговоров, ты не просто «уходишь в себя». Ты освобождаешь пространство, в котором правда снова может быть услышана. Где ты не обязан каждую минуту подыгрывать, кивать, изображать заинтересованность, смягчать формулировки, имитировать согласие, соглашаться с тем, что считаешь гнилью⁶⁴.

Пассионарий не может постоянно жить в атмосфере обязательной социальной лжи. Для него это токсично. Поэтому дистанция – не роскошь, а санитарный режим.

Оргвывод: право на неудобную правду

В мире ярлыков, мягких манипуляций и коллективного самообмана человек должен отстаивать одно простое право: **право видеть и называть**. Называть пустоту пустотой, ложь ложью, псевдолюбовь – псевдолюбовью, адаптацию – кастрацией, комфортную капитуляцию – предательством собственной вертикали⁶⁵.

Это право дорого стоит. За него будут наказывать: насмешкой, одиночеством, ярлыками, моральным шантажом, изоляцией, психотерапевтическими интерпретациями, обвинениями в жёсткости и «токсичности». Но без этого права человек перестаёт быть субъектом. Он становится участником коллективной инсценировки.

А пассионарная этика начинается именно там, где человек отказывается играть в этот театр⁶⁶.

⁶⁴ Стратегии «самоустранения» и сохранения внутренней свободы см. у античных стоиков и в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского.

⁶⁵ О праве называть вещи своими именами как об основе человеческого достоинства см. Александр Солженицын, «Жить не по лжи».

⁶⁶ Ср. этику автономного субъекта Иммануила Канта: мужество пользоваться собственным умом.

Глава 3. Анатомия вырождения: антропологическая пустыня и отрицательный отбор

Если в первых главах мы препарировали социальную машину и её топливо – ложь, то теперь пора посмотреть на то, во что превратился сам «материал» этой машины. Мы живем в эпоху антропологической деградации, которая не видна только тому, кто сам является её частью. Это не просто «старческое ворчание» о том, что молодежь пошла не та. Это констатация факта: мы находимся внутри **отрицательной селекции**, которая десятилетиями выкашивала всё высокое, сложное и живое, оставляя лишь то, что удобно для эксплуатации и биологического воспроизводства⁶⁷. На месте человека – субъекта, творца и носителя Чести – возникла биомасса: управляемая, предсказуемая, эротически и интеллектуально кастрированная⁶⁸.

Генетическое выкашивание и «софт», который не на чем запускать

Нужно называть вещи своими именами: генофонд этой части суши (и мира в целом) прошел через мясорубку. Весь XX век был направлен на планомерное уничтожение пассионариев⁶⁹. Те, кто обладал честью, кто не умел лизать сапоги, кто имел дерзость мыслить самостоятельно, кто был готов на героизм не ради пайка, а ради Идеала – все они были либо убиты в войнах, либо сгнили в лагерях, либо были вытеснены на обочину, где не оставили потомства⁷⁰.

Результат? Мы имеем дело с «отрицательным синтезом». Нынешняя среда – это потомки тех, кто научился пригибаться, предавать, имитировать и выживать любой ценой.

Поэтому когда я говорю о **пассионарной этике** или о **Высокой Любви**, я часто чувствую, что пытаюсь запустить самый сложный, мощный софт на «железе», которое для этого не предназначено. У современного обывателя просто отсутствует «орган», способный распознать бескорыстное служение Образу⁷¹. Он видит в подарке – попытку подкупа, в верности – патологическую привязанность, в поиске бессмертия – шизофрению. Его «процессор» тянет только команды: «доминируй», «потребляй», «лги», «приспосабливайся».

Семья как институт деструкции: материнский плен

Главный цех, где куется эта деградировавшая личность – современная семья. Чаще всего это разрушенная или «формальная» семья, где на обломках структуры воцарилась деструктивная фигура матери.

Мать в такой системе – это не источник жизни, а агент социального контроля. Она не воспитывает субъекта; она выращивает **удобный объект**. С помощью директивных приказов или, что еще опаснее, «мягкого» эмоционального шантажа («я же ради тебя жизнь положила», «ты меня до инфаркта доведешь»), она парализует волю ребенка⁷².

В такой семье происходит психологическая кастрация: мальчика приучают быть «хорошим», то есть послушным, предсказуемым и безопасным для материнского комфорта. Результат – взрослые мужчины, которые так и не стали мужчинами. Они могут занимать высокие

⁶⁷ О деградации человека в условиях массовой культуры см. Х. Ортега-и-Гассет «Восстание масс»; также Ж. Бодрийяр о «молчаливом большинстве».

⁶⁸ Понятие «биомассы» и утраты субъектности соотносится с анализом «массового человека» у М. Хайдеггера, феномен Das Man.

⁶⁹ Теория пассионарности и её дефицита в фазах этнического надлома подробно развита Л. Н. Гумилевым.

⁷⁰ Мотив «отрицательной селекции» как результата тоталитарных практик XX века встречается в работах А. Солженицына и В. Шаламова.

⁷¹ Об утрате способности к созерцанию Идеала (Образа) в прагматическую эпоху см. П. Флоренский и С. Булгаков.

⁷² Деструктивное влияние поглощающей материнской фигуры проанализировано в юнгианской психологии (архетип Ужасоющей Матери) и в работах Э. Нойманна.

посты, иметь деньги, но внутри они – испуганные дети, которые на подсознательном уровне ищут одобрения «мамочки» в лице начальства, жены или государства⁷³⁷³. Это и есть **материнский плен**, выход из которого возможен только через радикальный разрыв, на который у большинства не хватает духа⁷⁴⁷⁴.

Сексуальная революция как имитация подлинности

Деградация коснулась и самого интимного – эроса. Социум подменил глубокое ценностное отношение, требующее труда души, упрощенным гедонизмом. Нам внушили, что «раскрепощенность» и количество половых партнеров – это и есть свобода⁷⁵⁷⁵.

На самом деле, это форма **интеллектуальной и эмоциональной кастрации**. Человека приучают относиться к другому как к «сексуальному приспособлению». Это не освобождение, это сведение человека к уровню животного в гоне. В этом режиме подлинная Любовь (как служение и объектная ценность) объявляется «созависимостью», «травмой» или «фиксацией»⁷⁶⁷⁶.

Среда боится пассионарной любви, потому что такая любовь – это огромный источник автономной энергии. Любящий человек неуправляем извне. Поэтому система пропагандирует «эмоциональную страховку»: не люби сильно, не вкладывайся полностью, всегда имей «запасной вариант», относись к партнеру как к товару с ограниченным сроком годности⁷⁷⁷⁷. Это и есть вырождение: превращение искры с неба в трение слизистых оболочек.

Интеллектуальное одичание: клиповое мышление и страх сложности

Вырождение проявляется в неспособности удерживать внимание на сложных объектах. Современный человек – это существо с «клиповым» сознанием. Он может воспринимать информацию только короткими вспышками, мемами, лозунгами⁷⁸⁷⁸. Глубокое исследование, многотомный труд, сложная философская система вызывают у него скуку или раздражение.

Социум приучил нас, что «всё должно быть просто». Но реальность не проста. Истина не проста. Победа над старением не проста. Требование простоты – это требование оглушения. Человек, который не может удерживать сложную концепцию, не может быть субъектом. Он становится идеальной мишенью для манипуляций. Ему можно внушить любую дичь, если она упакована в яркую картинку и короткий текст. Это и есть «кастрация разума» в действии⁷⁹⁷⁹.

Культ смерти и нормализация увядания

Самая страшная форма вырождения – это смирение со смертью. Социум возвел биологическую конечность в ранг «высшей мудрости». Нам говорят: «смерть естественна», «надо уметь уходить достойно», «молодым везде у нас дорога» (читай: старым пора на кладбище).

Это ложь. Смерть – это враг. Это предельная энтропия, пожирающая смысл. Пассионарий восстает против этой «естественности»⁸⁰⁸⁰. Но биомасса, пребывая в состоянии антропологического сна, выбирает не борьбу, а «успокоение».

Врачи-ветеринары и психологи-примиренцы работают в связке: одни говорят «беспокоиться не о чем» (пока не станет поздно), другие учат «принимать возрастные изменения». Это коллективное самоубийство, растянутое во времени. Человек, который согласился с тем, что

⁷³ Ср. инфантилизацию общества и кризис отцовства в работах А. Митчерлиха («На пути к бесклассовому обществу»).

⁷⁴ Психологическая сепарация как экзистенциальный подвиг рассматривается у О. Ранка и Э. Фромма.

⁷⁵ Понятие «репрессивной десублимации» (ложного освобождения эроса ради стабильности системы) введено Г. Маркузе в книге «Эрос и цивилизация».

⁷⁶ О деградации любви до уровня технического акта см. Э. Фромм «Искусство любить» и В. Франкл «Человек в поисках смысла».

⁷⁷ О «текучей любви» и нежелании брать обязательства в современном мире см. З. Бауман.

⁷⁸ Понятие клипового мышления и его когнитивных последствий анализируется в работах М. Маклюэна и Н. Постмана.

⁷⁹ Об оглушении как инструменте социального контроля см. Г. Дебор «Общество спектакля».

⁸⁰ Философия иммортализма и восстания против биологической смерти восходит к «Философии общего дела» Н. Федорова.

он «просто белковое тело с ограниченным сроком годности», уже выродился. Он перестал быть носителем духа и стал просто биологическим мусором, ожидающим утилизации⁸¹.

Человек-вещь: триумф функциональности

В этой антропологической пустыне человек превращен в **инструмент**. Социум ценит не твою уникальную искру, а твою «полезную нагрузку». Ты – профиль в соцсетях, номер в налоговой, функция в офисном чате⁸².

Даже в личных отношениях процветает «вещификация». Люди «пользуются» друг другом, «потребляют» эмоции, «меняют» партнеров на новые модели. Признание в другом живого Субъекта – со своей тайной, болью и вечностью – стало слишком дорогим удовольствием⁸³. Проще относиться к людям как к декорациям или инструментам для достижения собственного комфорта. Это и есть предельная точка вырождения – полная утрата способности видеть Человека в человеке⁸⁴.

Почему биомасса ненавидит пассионария

Выродившаяся среда не может простить пассионарию его целостности. Тот, кто сохранил в себе огонь, кто не кастрирован матерью, школой и гедонизмом, кто видит врага в смерти и ложь в «социальной норме» – такой человек пугает.

Он пугает своим присутствием, потому что является живым упреком их ничтожеству. Обыватель смотрит на пассионария и видит в нем не пример для подражания, а угрозу своему уютному болоту. Поэтому биомасса всегда будет стремиться опустить поднявшегося, осмеять мечтателя, затравмировать любящего и объявить сумасшедшим того, кто ищет бессмертия⁸⁵.

Оргвывод: Дистанция от гниения

Когда ты понимаешь, что вокруг – не просто «несовершенные люди», а продукт векового отрицательного отбора, твоя стратегия должна измениться. Ты больше не пытаешься «спасти всех» или «быть понятым». Это невозможно. Ты не можешь договориться с машиной, и ты не можешь вернуть душу тому, кто добровольно её обменял на комфорт батрака.

Единственный путь – **радикальная дистанция**. Не ради высокомерия, а ради сохранения собственной антропологической чистоты. Ты должен построить свою «башню», свой «мир имманентности», где действуют другие законы – законы Верности, Идеала и борьбы со Смертью⁸⁶.

Нужно признать: мы живем в пустыне. Но именно в пустыне особенно важен каждый глоток чистой воды. Твоя задача – не раствориться в песке, а стать тем кристаллом, вокруг которого начнет нарастать новая реальность.

⁸¹ Ср. критику медицины как системы нормализации угасания у И. Иллича («Немезида медицины»).

⁸² О превращении человека в «цифровой след» и функциональный объект см. Ш. Зубофф «Эпоха надзорного капитализма».

⁸³ Феномен «вещификации» (reification) человеческих отношений подробно разобран Г. Лукачем.

⁸⁴ Утрата способности видеть Личность в другом рассматривается М. Бубером в контексте диалога «Я и Ты».

⁸⁵ О ненависти толпы к исключительности см. Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

⁸⁶ Стратегия «дистанции» близка к эволюанской концепции «оседлать тигра» и стоическому принципу «внутренней крепости» Марка Аврелия.

Глава 4. Социальный садизм: козёл отпущения и удовольствие от чужой боли

Если в предыдущей главе мы говорили о вырождении как о деградации материала, то теперь надо назвать следующую вещь: этот деградировавший материал не просто существует пассивно. Он активно разряжает свою внутреннюю пустоту через чужую боль. Социальная среда не только гниёт. Она ещё и получает от этого специфическое удовольствие. Удовольствие от унижения, от травли, от чужой слабости, от того, что кто-то ниже, чем ты, сломленнее, беспомощнее, а значит – удобен для разрядки⁸⁷.

Это и есть социальный садизм. Он может быть грубым, может быть «вежливым», может быть завернут в форму шутки, воспитания, терапии, морали, иронии или «беспокойства о твоём благе». Но в основании у него одно: чужая боль используется как способ самоутверждения и групповой спайки⁸⁸.

Почему стаду нужен жертвенный объект

Когда у стада нет внутреннего смысла, оно начинает склеиваться не через общую высоту, а через общий объект ненависти. Если нет великого дела, люди легко объединяются против того, кто выделяется, кто слабее, кто не умеет защищаться, кто не вписывается в общую ритмику⁸⁹.

Козёл отпущения – это не случайная фигура. Это структурная потребность низкого социума. Стаду нужно регулярно сбрасывать напряжение. И если оно не сбрасывается через созидание, через труд, через честную борьбу с реальностью, оно пойдёт в унижение ближнего. Так работает коллективная психика, лишённая идеала: она начинает жрать своих⁹⁰.

Отсюда травля, насмешки, публичное унижение, сплетни, доносы, исключение, молчаливое согласие с насилием. Это не сбой системы. Это её способ самоорганизации. Человек, которого сейчас топчут, нужен не только как жертва. Он нужен как подтверждение того, что остальным пока можно не бояться⁹¹.

Механика «свой – чужой» и удовольствие от включённости

Социальный садизм всегда любит коллективность. В одиночку многие люди не так уж и злы. Но стоит образоваться группе, как в ней появляется особая химия: «мы» и «они». И если «они» определены как чужие, странные, слабые, ненормальные, то по отношению к ним разрешается многое⁹².

Здесь очень быстро включается чувство принадлежности: я хороший, потому что я не такой, как он. Я свой, потому что смеюсь над ним. Я в стае, потому что участвую в общей низости. Это очень древний механизм. Сбиться в кучу против того, кто отличается, – один из самых простых способов почувствовать себя значимым⁹³.

Именно поэтому пассионарий так часто оказывается мишенью. Он не только другой. Он своим существованием разрушает самодовольство среды. Его вертикаль показывает, что

⁸⁷ Ср. З. Фрейд о влечении к агрессии в «Недовольстве культурой», а также Э. Фромм о деструктивности как социально формируемом феномене.

⁸⁸ О социальных формах насилия под маской нормальности см. Х. Арент и М. Фуко.

⁸⁹ Ср. Р. Жирар и его теория жертвенного механизма.

⁹⁰ Ср. Ф. Ницше о ressentiment и нравственности слабых.

⁹¹ Ср. также Х. Ортега-и-Гассет о массовом человеке и его враждебности к исключению.

⁹² О механизмах групповой идентичности см. Э. Гоффман и С. Аша.

⁹³ Ср. К. Леви-Стросс и структурный анализ оппозиций «свой/чужой».

можно жить иначе. А это для стада невыносимо. Поэтому его надо либо опустить, либо сделать смешным, либо вынудить замолчать, либо обратить в «своего» через унижение⁹⁴.

Травля как социальный ритуал

Травля – это не просто агрессия. Это ритуал подтверждения нормы. Когда в коллективе травят одного, остальные получают урок: так будет с каждым, кто посмеет нарушить порядок, вылезти, почувствовать себя особенным, не подчиниться, не смеяться в нужный момент, не поддержать общее унижение⁹⁵.

Травля создаёт дисциплину страха. И она очень часто начинается с мелочей: подколы, намёки, игнор, саркастические шутки, «безобидные» комментарии, демонстративное невключение в разговор. Потом к этому добавляется административная или семейная власть, и человек оказывается в ловушке, где против него работает уже не один агрессор, а целая среда⁹⁶.

Важно понять: травля не всегда преследует цель уничтожить физически. Часто её цель – сделать тебя управляемым. Уничтожить не тело, а ощущение своей правоты, силы, права на отличие. Это особенно важно для пассионария, потому что его ломают не сразу, а медленно, через постепенную ломку внутреннего стержня⁹⁷.

Социальная зависть и ненависть к росту

Отдельная топливная система садизма – зависть. Но это не просто бытовая зависть к деньгам или к удаче. Это зависть к самому факту роста. Когда человек выходит из общего болота, начинает собирать себя, худеть, учиться, создавать, любить, строить, держать курс, он становится раздражителем⁹⁸.

Среде неприятно не только то, что у тебя стало лучше. Ей неприятно, что ты вообще позволил себе улучшение. Это воспринимается как скрытое обвинение их собственной неподвижности. Поэтому реакция часто примитивна: обесценить, высмеять, заподозрить в корысти, приписать фальшь, сказать, что «это ненадолго», «всё равно сорвёшься», «подумаешь, герой»⁹⁹.

У этого есть важная особенность: чем более реальным и видимым становится твой рост, тем сильнее желание среды вернуть тебя назад. И если ты не понимаешь этого механизма, ты можешь принять социальную зависть за «честную критику». Но это не критика. Это попытка восстановить нарушенный баланс унижения¹⁰⁰.

Стыд как оружие против выделяющегося

Садизм работает не только через прямое нападение, но и через стыд. Человеку внушают, что он «слишком много хочет», «слишком чувствителен», «слишком сложный», «слишком серьёзный», «слишком высокомерный», «слишком не такой». Это делается для того, чтобы он сам начал гасить свою высоту, сам начал прятать своё отличие, сам стал извиняться за свою вертикаль¹⁰¹.

Стыд – один из самых эффективных инструментов социального укрощения. Через стыд человек начинает сам отступать от собственной правды. Он перестаёт говорить прямо, перестаёт тянуться к мечте, перестаёт верить своему внутреннему импульсу. И тогда внешняя агрессия становится почти не нужна – человек уже сам себя приструнил¹⁰².

⁹⁴ Ср. Ф. Ницше о ненависти к возвышающемуся и о мести посредственности.

⁹⁵ Ср. М. Дуглас о ритуалах исключения и символической чистоте.

⁹⁶ Ср. М. Фуко о микрофизике власти.

⁹⁷ Ср. К. Г. Юнг о подрыве целостности личности и о феномене «тени».

⁹⁸ Ср. М. Шелер о ressentiment как искажённой реакции на чужое превосходство.

⁹⁹ Ср. также П. Бурдьё о символическом насилии и социальной зависти как механизме удержания порядка.

¹⁰⁰ Ср. Р. Жирар: насилие восстанавливает порядок через жертву.

¹⁰¹ Ср. Э. Гоффман о «потере лица» и социальном контроле через смущение.

¹⁰² Ср. Ж.-П. Сартр о «дурной вере» и внутреннем подчинении внешнему взгляду.

Поэтому важно различать здоровый нравственный стыд и навязанный социальный стыд. Первый говорит: «ты поступил низко». Второй говорит: «ты вообще не имеешь права быть другим»¹⁰³.

Подлость как высшая форма социальной низости

Если садизм, зависть и травля – это способы разрядки, то подлость – это уже осознанное использование чужой доверчивости и открытости против него самого. Подлость особенно опасна, потому что она часто прикрыта вежливостью, разумностью, доброжелательностью, профессионализмом, семейной заботой, религиозной риторикой или даже дружбой¹⁰⁴.

Именно подлость делает возможным тотальную незащищённость доверчивого человека. Ты говоришь правду, а тебе её используют против тебя. Ты открываешься, а это становится материалом для последующего унижения. Ты помогаешь, а тебя после этого считают слабым и удобным¹⁰⁵.

Подлость – это социальный способ съесть того, кто не ожидал укуса. И потому пассионарий должен усвоить тяжёлый урок: не всякая открытость должна быть доступна всем. Огонь духа нельзя выставлять на рынок. Иначе его растащат на топливо для чужих мелких игр¹⁰⁶.

Кто получает удовольствие от чужого падения

Низкая среда особенно любит наблюдать, как кто-то теряет высоту. Потому что чужое падение успокаивает. Если сегодня сорвался не я, значит, я ещё вроде как нормальный. Если другого пристыдили, значит, меня пока не трогают. Если умного показательно унизили, значит, можно не бояться ума¹⁰⁷.

Поэтому в обществе так популярны сцены, где падают сильные, унижаются гордые, спотыкаются уверенные, терпят поражение те, кто посмел быть выше среднего. Это не просто сюжетный штамп. Это форма массового морального разложения: зритель получает дозу утешения через чужую неудачу¹⁰⁸.

Именно поэтому пассионарий не должен строить свою самооценку на реакции такой среды. Она радуется не твоей правде, а твоей поломке. Её улыбка может быть ядовитой, а сочувствие – липовым. Здесь нет нейтральности. Среда либо поддерживает твою вертикаль, либо тихо точит её¹⁰⁹.

Оргвывод: не кормить садизм доступом к себе

Главный вывод этой главы очень простой и очень тяжёлый: нельзя давать низкой среде бесплатный доступ к своему внутреннему телу, к своей боли, к своей мечте и к своим уязвимым местам. Не потому, что ты жестокий или закрытый, а потому, что садизм питается именно доступом¹¹⁰.

Если ты открылся тому, кто потом будет рад твоему падению, ты сам отдал ему оружие. Если ты пришёл за пониманием туда, где умеют только пользоваться, ты принёс себя на заклание. Если ты ищешь признание у тех, кому нужно твоё унижение, ты почти гарантированно его получишь¹¹¹.

Поэтому дистанция – это не только защита от лжи. Это ещё и защита от социального садизма. Она нужна, чтобы огонь духа не стал забавой для толпы, чтобы твоя боль не стала

¹⁰³ Ср. различие этического и социально-нормативного у Канта и Ницше.

¹⁰⁴ Ср. анализ «банальности зла» у Х. Арндт.

¹⁰⁵ Ср. М. Бубер: утрата отношения «Я – Ты» и сведение другого к функции.

¹⁰⁶ Ср. Э. Фромм о необходимости различать спонтанную открытость и деструктивную доверчивость.

¹⁰⁷ Ср. Г. Зиммель о социальной функции сравнения и зависти.

¹⁰⁸ Ср. Т. Адорно о регрессе восприятия в массовой культуре.

¹⁰⁹ Ср. Ф. Ницше о скрытой мстительности посредственности.

¹¹⁰ Ср. стратегии внутренней защиты у стоиков и у М. Фуко в теме заботы о себе.

¹¹¹ Ср. К. Г. Юнг о необходимости различать доверие и наивность.

чужим развлечением, чтобы твоё движение не превратилось в повод для коллективного зло-радства¹¹².

Пассионарий должен помнить: низкая среда любит не тебя, а твою уязвимость. И если ты это понял, ты уже сделал первый шаг к свободе¹¹³.

¹¹² Ср. Э. Левинас о нравственной уязвимости перед лицом Другого.

¹¹³ Ср. стоическая и персоналистская линия внутреннего самостояния.

РАЗДЕЛ II. ПРОБУЖДЕНИЕ (Кристаллизация субъектности)

Глава 5. Фикция «пути к себе»: личность как архитектура, а не раскопки

Современная психокультура подсадила человечество на иглу очень комфортной лжи, которая называется «поиск себя». Нам внушают, что внутри каждого уже лежит готовое, чистое, «истинное Я», которое нужно просто откопать из-под завалов родительских запретов и социальных травм. Эта модель – **археологическая**. Она предлагает человеку роль раскопщика: сними слои, убери «наносное», расслабься, и подлинность сама вылезет наружу¹¹⁴.

Это ловушка. Она снимает с человека главную пассионарную задачу – задачу **строительства**. Если ты уже «есть» в готовом виде, тебе не нужно трудиться над своей формой, тебе нужно только «раскрыться». Но правда в том, что никакой готовой личности внутри нет. Там есть лишь материал, хаос и биологические импульсы. Личность не находят – её выстраивают вопреки сопротивлению среды и собственной энтропии¹¹⁵.

Критика археологии инстинктов: спонтанность не есть подлинность

Популярная психология часто путает личностную зрелость с биологической расторможенностью. Если человек разрешил себе орать, когда злится, или спать, с кем приспичило – ему говорят, что он «стал собой». На самом деле он просто капитулировал перед биологией. «Подлинным» здесь объявляется всё, что лежит ближе всего к природному импульсу. Но это не обретение самости, это превращение человека в прозрачный сосуд для его инстинктов. Истинная личность начинается не там, где ты «высвобождаешь» импульс, а там, где ты налагаешь на него форму¹¹⁶.

Человек как архитектурный проект: строительство против раскопок

Если археология ищет то, что уже было, то архитектура создает то, чего еще нет. Пассионарная этика требует перевода жизни из режима «раскопок прошлого» в режим «проектирования будущего». Личность – это не археологический артефакт, это надбиологический конструкт, артефакт, созданный волей и разумом. Подобно архитектору, пассионарий не ждет, что здание вырастет само – он силой своего замысла налагает структуру на бесформенный материал камня и глины своей психики¹¹⁷.

Личность не дана, а задана: кристаллизация субъектности

Материалом для личности служит цепочка твоих авторских самоопределений. Личность нарастает и твердеет только в актах преодоления – в тех точках, где среда тянет в сторону комфорта и примирения, а ты выбираешь свой Сверхнормативный Замысел. Подобно кристаллу, личность обретает грани только под высоким давлением и температурой внутреннего конфликта. Если в твоей жизни нет осознанного выбора «вопреки», твоя личность остается «социальным киселем», принимающим форму любого сосуда, в который тебя зальет социум¹¹⁸.

Отказ от ложной «истинной самости»

¹¹⁴ Критический анализ концепции «самоактуализации» и поиска внутреннего «Я» как рыночного продукта см. у Э. Фромма и К. Лэша.

¹¹⁵ Ср. С. Кьеркегор: личность не является предметом обладания, но процессом «становления собой» через выбор.

¹¹⁶ Ср. Ф. Ницше: свобода не как «свобода от» (инстинкта), но как «свобода для» (созидания ценностей).

¹¹⁷ Ср. М. Хайдеггер: экзистенция как «набросок» (Entwurf), постоянно устремленный в будущее.

¹¹⁸ Понятие «кристаллизации» личности в актах преодоления соотносится с идеей «самосозидания» у Ж.-П. Сартра.

Идея «истинного Я» чрезвычайно популярна, потому что она ласкает самолюбие и снимает ответственность. Если я уже «хорош внутри», мне не нужно отвечать за то, что я из себя представляю сейчас – мне нужно лишь жаловаться, что мир мешает мне «проявиться». Это позиция жертвы, а не строителя. Пассионарный подход суров: у тебя нет никакого «готового сокровища» в подвале. У тебя есть только то, что ты выстроил прямо сейчас своими руками из хаоса своей никчемности и своих возможностей¹¹⁹.

Пробуждение вместо поиска: акт волевого рождения

«Путь к себе» – это бесконечное и бесполезное самокопание. Пассионарный путь начинается не с поиска, а с акта **Пробуждения**

¹¹⁹ Ср. К. Маркс: сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, но совокупность общественных отношений и деятельных актов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.